

Научная статья

УДК 343.2:341

DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(2).360-368

EDN WPOATH

Особенности отражения международно-правовых норм в Общей части уголовного закона России

Валентина Вlado Лисаускайте

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия

vlado@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3694-9966>

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена характеристика отдельных норм Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации, основанных или измененных на основании положений международных договоров нашей страны. В качестве объектов исследования автор выбрал отдельные положения статей 2, 11, 12 и 104.1 уголовного закона. В отношении каждой из них проведено исследование наличия и специфики международно-правовых оснований, а также вопросов корректности использованных законодателем формулировок закрепления и терминологии. Отдельное внимание в работе уделено характеристике используемого нормотворческого механизма включения норм из международных обязательств в статьи УК РФ. Анализ содержит применение норм национального уголовного законодательства, а также конкретных международных договоров РФ. Научная статья включает в себя анализ норм, определяющих задачи уголовно-правовой охраны, действие уголовного закона в пространстве. Дана достаточно детальная характеристика причин и оснований включения главы 15.1 УК РФ и статьи 104.1, представлены позиции ученых по этому вопросу. В ходе исследования автором установлено, что положения Общей части УК РФ изначально были насыщены международными нормами с учетом обязательств, существовавших на момент разработки и принятия закона. Итогом проведенного исследования являются выявленные автором особенности включения международно-правовых норм в уголовное законодательство РФ, понимание которых позволяет сформировать представление об их влиянии и значении в достижении целей борьбы с преступностью в современном мире. Автор подчеркивает, что включение положений международных договоров РФ в конкретные статьи уголовного закона выступает важным и необходимым инструментом правового регулирования в рассматриваемой сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Общая часть УК РФ, международные договоры РФ, имплементация, действие уголовного закона в пространстве, конфискация имущества

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Лисаускайте В.В. Особенности отражения международно-правовых норм в Общей части уголовного закона России / В.В. Лисаускайте. – DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(2).360-368. – EDN WPOATH // Академический юридический журнал. – 2026. – Т. 27, № 2. – С. 360–368.

Original article

Features of the reflection of international legal norms in the General part of the criminal law of Russia

Valentina V. Lisauskaite

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

vlado@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3694-9966>

ABSTRACT

This article examines the characteristics of individual provisions of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation, based on or amended by provisions of international treaties to which our country is a party. The author selected individual provisions of Articles 2, 11, 12, and 104.1 of the Criminal Code as the objects of study. For each of them, an analysis was conducted of the presence and specifics of international legal grounds, as well as the accuracy of the legislative formulations and terminology used. Special attention is paid to the characteristics of the law-making mechanism used to incorporate norms from international obligations into articles of the Criminal Code of the Russian Federation. The analysis includes the application of the norms of national criminal legislation, as well as specific international treaties of the Russian Federation.

© Лисаускайте В.В., 2026

This scientific article includes an analysis of the norms defining the objectives of criminal law protection and the application of criminal law in space. A fairly detailed description of the reasons and grounds for the inclusion of Chapter 15.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 104.1 is provided, and scholars' positions on this issue are presented. During the study, the author established that the provisions of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation were initially infused with international norms, taking into account obligations that existed at the time of the law's drafting and adoption. The author's research revealed specific aspects of the incorporation of international legal norms into Russian criminal legislation. This allows for a better understanding of their impact and significance in achieving the goals of combating crime in the modern world. The author emphasizes that Russia's international treaties are an important tool in this area, and therefore, incorporating their provisions into specific articles of criminal law is an essential and necessary tool.

KEYWORDS

General Part of the Criminal Code of the Russian Federation, international treaties of the Russian Federation, implementation, application of criminal law in space, confiscation of property

FOR CITATION

Lisauskaite V.V. Features of the reflection of international legal norms in the general part of the criminal law of Russia. *Akademicheskij yuridicheskij journal = Academic Law Journal*. 2026;27(2):360–368. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2026.27(2).360-368. EDN: WPOATH.

Введение

Международное право в виде общепризнанных принципов и норм международных договоров Российской Федерации является частью национальной правовой системы. В различной форме и объемах оно прочно вошло в российское законодательство, и каждая его отрасль обладает своими особенностями в этой сфере. Не является исключением и уголовное законодательство, более того, оно обладает особенностями.

Достаточно часто, говоря об имплементации международных норм в уголовный закон, в научной литературе исследуется вопрос о признании последних в качестве источника. Как отмечают исследователи, «международные нормы, как опосредованный источник российского уголовного права, имеют, хотя и ограниченное, но важное значение» [1, с. 22]. Однако не менее интересным представляется проблематика о характеристике самих положений Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее также – УК РФ), основанных на положениях международных договоров. По данному направлению большое количество исследований посвящено анализу отдельных норм Особенной части уголовного закона и специфике имплементации в них положений конкретных международных договоров.

Общая часть рассматриваемого нормативного документа обладает не меньшей значимостью в осуществлении борьбы с преступностью, а также в контексте вопроса перенесения в нее международных обязательств государства и специфики их реализации. Исследователи подчеркивают,

что применительно к некоторым из них условия реализации содержатся в актах международного права [2, с. 76]. Именно данным особенностям посвящено представленное исследование.

***Задачи уголовного закона
и его действие в пространстве:
внедрение международно-правовых положений***

Как правило, говоря об имплементации международных норм в УК РФ, раскрывается характеристика закрепления бланкетных положений. Действительно, большое количество статей содержит конкретную формулировку, отсылающую к положениям международных договоров РФ, либо скрытую отсылку к международно-правовым положениям, изучить которые необходимо правоприменителю для понимания сути самого правила уголовного закона, а также возможности его применения. В то же время следует отметить, что уже при разработке уголовного закона в конце XX века достаточно большое количество его положений были сформулированы изначально с учетом действовавших международных соглашений и вытекающих из них обязательств России (в формате правопреемства СССР либо уже новых международных договоров, вступивших для нашей страны в законную силу до 1996 года).

Не будем оригинальны отметив, что присутствие международных норм содержится уже в части 1 статьи 2 УК РФ. При перечислении задач уголовного законодательства указывается, что, в том числе к таковым относится «обеспечение мира и безопасности человечества»². В сути этой

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Уголовный кодекс РФ 1996 г. с изменениями и дополнениями. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8054a66d213c5d4e82e7a4a5fa84470e7059322b/ (дата обращения: 25.04.2026)

задачи заложены международные обязательства России, которые были приняты еще в советский период, однако не получили столь детального закрепления, как в современном уголовном законе. Международно-правовыми основаниями этой задачи выступают договоры: Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года, Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 года, Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 года и Дополнительные протоколы к ним 1977 и 2005 годов.

Закрепление отдельных их положений получило отражение в УК РСФСР 1960 года³ в статьях 266–269, где были конкретизированы составы преступлений, уголовная ответственность за совершение которых должна быть установлена государствами во исполнение обязательств по указанным выше Женевским конвенциям. Однако такое закрепление было ограничено субъектно, поскольку входило в перечень преступлений против военной службы. Подчеркнем, что такие преступные деяния относятся к группе преступлений против мира и безопасности человечества, именуемой «военные преступления», и могут быть совершены не только военнослужащими. Задачи уголовного законодательства в УК РСФСР 1960 года не конкретизированы, поэтому выделить такой объект уголовно-правовой охраны в принципе невозможно.

Современный УК РФ выделил в качестве самостоятельной главы преступления против мира и безопасности человечества в силу реализации указанной выше задачи данного закона, характеристике реализации которой посвящено достаточное количество научных исследований [3]. Учитывая такой широкий по своему содержанию подход, в основе закрепления данной задачи лежит целая группа международных договоров, детализация положений которых реализуется уже в главе 34 УК РФ посредством закрепления конкретных составов преступлений.

Следующая привлекающая наше внимание статья 11 Общей части УК РФ. Остановимся на правовой природе отдельных ее частей в контексте содержания международно-правовых положений. Часть 2 статьи 11 УК РФ закрепляет действие уголовного закона государства в случае

совершения преступления в пределах конкретных территориальных пространств. В ее основе заложены положения международных договоров РФ. Среди таких пространств указаны: территориальное море, воздушное пространство РФ, континентальный шельф и исключительная экономическая зона. Применительно к российским морским и воздушным судам действие данных правил не вызывает вопросов. Если же речь идет об иностранных морских и воздушных судах, то необходимо отметить ряд международно-правовых особенностей.

Говоря о ситуациях совершения преступления в территориальном море РФ, отметим, что речь идет о специфических правилах международного морского права. Поскольку Россия ратифицировала Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года только в 1997 году, а УК РФ вступил в силу в 1996-м, на момент разработки рассматриваемых положений применялись нормы Конвенции о территориальном море и прилегающей зоне 1958 года. Относительно правового режима именно территориального моря между указанными двумя документами нет существенных различий. Однако поскольку мы говорим о правовых основаниях конкретных правил, необходимо указывать именно тот международный договор, который обладал юридической силой на территории нашей страны на момент разработки положений национального уголовного законодательства и вступления их в силу.

Территориальное море в международном морском праве обладает специальным статусом. С одной стороны, это суверенная территория прибрежного государства. Соответственно, на нее распространяется действие законодательства этого государства, и именно оно устанавливает правовой режим территориального моря. С другой стороны, международным договором предусмотрен принцип мирного прохода через территориальное море, т.е. иностранные невоенные корабли имеют право свободно осуществлять мирный проход через территориальное море как транзитом (без захода в порты прибрежного государства), так и для захода во внутренние морские воды и порты.

Несмотря на такую свободу, сам мирный проход должен осуществляться в соответствии с нормами национального законодательства прибрежного государства и в случае совершения преступления на борту судна во время такого прохода действует уголовная юрисдикция прибрежного государства. Таким образом, российский законодатель подчеркнул в рассматриваемой норме

³ Уголовный кодекс РСФСР : принят Верховным Советом РСФСР 27 окт. 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591. Утратил силу.

действие юрисдикции уголовного законодательства в соответствии с международными нормами и исходя из специфики использования указанной территории.

Воздушное пространство РФ – часть территории государства, на которую распространяется его суверенитет, устанавливается национальный режим и в пределах которого действует национальное законодательство. В данном вопросе также есть специфика, основанная на нормах международных договоров РФ. В соответствии с положениями Конвенции о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, 1963 года существует общее правило, согласно которому «государство регистрации воздушного судна правомочно осуществлять юрисдикцию в отношении преступлений и актов, совершенных на борту»⁴.

Исходя из использованной в договоре формулировки, данное правило не является императивным, в нем указано, что государство имеет право осуществлять свою юрисдикцию в отношении таких ситуаций. На наш взгляд, такой подход связан, во-первых, с обязанностью государства нести ответственность за любые события на борту своего воздушного судна, соответственно, распространять на них свою юрисдикцию. Во-вторых, с существованием специальных правил, установленных тем же международным договором и возможностью государств договариваться в каждом случае совершения преступления в зависимости от конкретных его обстоятельств.

Статья 4 Конвенции закрепляет специальные правила: «Договаривающееся государство, не являющееся государством регистрации, не может чинить препятствий воздушному судну, находящемуся в полете, в целях осуществления своей уголовной юрисдикции в отношении преступления, совершенного на борту, за исключением следующих случаев:

- a) преступление имеет последствия на территории такого государства;
- b) преступление совершено гражданином или в отношении гражданина такого государства либо лицом, постоянно проживающим в таком государстве, или в отношении такого лица;
- c) преступление направлено против безопасности такого государства;

d) преступление заключается в нарушении действующих в таком государстве любых правил или регламентов, относящихся к полету или маневрированию воздушных судов;

e) осуществление юрисдикции необходимо для обеспечения выполнения любого обязательства такого государства по многостороннему международному соглашению»⁵.

Данный перечень как раз и позволяет государству, над территорией которого совершается полет, осуществлять свою уголовную юрисдикцию. Например, пункт «с» дает право весьма широко толковать возможность ее применения. Таким образом, учитывая положения части 2 статьи 11 УК РФ и представленные положения международного договора, можно предположить, что Россия широко трактует допустимость распространения своей уголовной юрисдикции в отношении преступлений, совершенных на борту иностранных гражданских воздушных судов в полете над ее территорией. Предполагаем, что на практике государства заинтересованы в установлении договоренностей и возможности совместного расследования таких ситуаций.

Основанным на нормах международного права является положение и части 3 статьи 11 УК РФ, поскольку оно устанавливает действие уголовного закона в отношении конкретных объектов в период их нахождения на территории с международным режимом. Ряд исследователей отмечают некорректность использованных в этой норме терминов, понимание которых не раскрывается в национальном законодательстве, а международные нормы содержат иные, хоть и схожие по содержанию, термины [4, с. 84].

Затронем иной аспект указанного положения уголовного закона. В данном правиле присутствует отражение нескольких международных положений. Законодатель в используемой формулировке фактически объединяет действие самого правила в отношении преступлений, совершенных на борту морского судна и воздушного судна. Однако такой подход вызывает вопросы в контексте соответствия международным нормам. Морские и воздушные суда имеют разный режим применения государственной юрисдикции. Морское судно обладает государственной регистрацией посредством внесения в национальный реестр. Однако на практике оно может быть передано в лизинг компании другого госу-

⁴ Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/crimes_ aboard.shtml (дата обращения: 23.04.2026).

⁵ Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/crimes_ aboard.shtml (дата обращения: 23.04.2026).

дарства и осуществлять судоходство под флагом этого иностранного государства. В соответствии с международными договорами РФ морское судно находится под юрисдикцией государства флага судна вне зависимости от государства его регистрации.

Воздушные суда имеют единую регистрацию и юрисдикцию государства флага. В соответствии с Чикагской конвенцией о гражданской авиации 1944 года «воздушные суда имеют национальность того государства, в регистр которых они занесены... Государство регистрации может меняться»⁶. Таким образом, в случае передачи воздушного судна в рамках гражданско-правовых отношений авиакомпании иностранного государства оно будет исключено из национального реестра первой и включено в национальный реестр второй страны. Такой подход был специально разработан государствами, чтобы избежать существующей проблематики морских судов.

Представленная характеристика позволяет констатировать, что используемая законодателем обобщенная формулировка является некорректной, поскольку не учитывает особенности правового режима морских и воздушных судов в соответствии с международными договорами РФ.

Исследовательский интерес в рассматриваемом формате представляет и часть 4 статьи 11 УК РФ, однако сущность ее бланкетной формулировки весьма вариативна и заслуживает самостоятельного детального рассмотрения [5]. Следует подчеркнуть, что, несмотря на краткость изложения, установленное правило требует изучения не только большого объема международных договоров РФ, но и установления специфики их применения в нашей стране с учетом ведомственных актов министерств внутренних дел и иностранных дел РФ.

Статья 12 УК РФ устанавливает правила применения принципа экстерриториальности действия уголовного закона. Отдельные ее положения основаны на международных обязательствах РФ. В части 2 данной статьи закреплен традиционный подход действия юрисдикции государства на территории его военной базы за пределами самой страны. Военная база государства, расположенная на территории другого государства, представляет собой условную территорию первого в соответствии с положениями двустороннего договора. Так, Соглашение между Российской Федерацией и Республикой

Таджикистан о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан 2013 года устанавливает, что «лица из числа личного состава российской военной базы и члены их семей освобождаются от уголовной... юрисдикции Республики Таджикистан», однако данный факт «не освобождает их от юрисдикции Российской Федерации»⁷. Такой подход, с одной стороны, позволяет обеспечивать безопасность личного состава военной базы и членов их семей, учитывая специфику их профессиональной деятельности; с другой стороны, подтверждает ответственность государства за действия своих граждан и его обязанность соблюдать принцип неотвратимости уголовной ответственности в случае совершения ими преступлений на территории иностранного государства.

Часть 3 статьи 12 УК РФ регламентирует правило экстерриториальной юрисдикции уголовного закона государства в конкретных случаях. Во-первых, когда преступление было совершено в отношении интересов РФ. Сама по себе эта формулировка в практике государств используется по-разному. США, например, весьма широко трактуют возможность ее применения, распространяя свою юрисдикцию, в том числе на любые налоговые или экономические преступления, поскольку при их совершении используется американская система платежных операций. В качестве примера интересов России можно рассматривать совершение такого преступления, как подделка денежных знаков и ценных бумаг РФ, поскольку от их совершения страдает экономика нашей страны.

Во-вторых, закрепленная формулировка «в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации или иным документом международного характера, содержащим обязательства, признаваемые Российской Федерацией»⁸ позволяет распространять свою уголовную юрисдикцию в отношении конкретных преступлений международного характера, когда государства договорились об установлении в отношении них экстерриториальной юрисдикции. Последняя означает, что любое

⁷ Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан 2013 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902383806?marker=7DE0K7> (дата обращения: 25.04.2026).

⁸ Уголовный кодекс РФ 1996 г. с изменениями и дополнениями. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8054a66d213c5d4e82e7a4a5fa84470e7059322b (дата обращения: 25.04.2026).

⁶ Чикагская конвенция о гражданской авиации 1944 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902240> (дата обращения: 25.04.2026).

государство – участник конкретного договора о сотрудничестве по борьбе с конкретными преступлениями – вправе привлечь к уголовной ответственности по своему национальному законодательству при наличии достаточных доказательств. Такой механизм предусмотрен в отношении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, преступлений террористической направленности, коррупционных и иных преступлений.

Следует отметить, что данный подход используется в целях реализации основополагающих принципов борьбы с преступностью, в том числе принципа неотвратимости уголовной ответственности. Взаимодействие государств в такой форме сформировалось еще в начале XX века, из-за роста миграционных процессов из-за негативных исторических и политических событий на территории многих стран Европы и Ближнего Востока (Первая мировая война, революция в Российской империи, распад Османской империи и их последствия), а также, как следствие, в связи с резким ростом отдельных видов преступности.

В результате стали появляться соглашения, устанавливающие формы и направления взаимодействия правоохранительных органов государств по пресечению и раскрытию конкретных видов преступлений: Международная опиумная конвенция 1912 года и Протоколы к ней; Конвенция о рабстве 1926 года; Международная конвенция о борьбе с подделкой денежных знаков 1929 года и др. Именно последний документ впервые закрепил механизм применения экстраюрисдикционной юрисдикции государств, результатом чего стала возможность привлекать к уголовной ответственности по своему национальному законодательству государство, чьи интересы были нарушены; государству, на территории которого было совершено преступление; и государству, задержавшему преступника. Таким образом, некоторые базовые положения Общей части УК РФ изначально основаны на международных обязательствах нашей страны, хоть это прямо в них не закреплено.

Изменения УК РФ в связи с новыми международными обязательствами: особенности имплементации

Следующая группа уголовно-правовых норм Общей части уголовного закона – глава 15.1 УК РФ «Конфискация имущества». Сам институт конфискации имущества в российском уголовном законодательстве имеет весьма специфическую историю, проблематике которой

посвящено достаточное количество научных публикаций [6; 7]. Рассмотрим его сущность относительно взаимосвязи с международно-правовыми нормами.

Закрепление главы 15.1 УК РФ связано именно с новыми международными обязательствами государства. Внесение изменений осуществлялось посредством принятия комплексного по содержанию федерального закона для коррекции российского законодательства в связи с ратификацией Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 года.⁹ Эти и принятые ранее законодательные новеллы российской правовой системы обоснованы полным пересмотром национального механизма борьбы с терроризмом, в основе которых лежат и положения международных договоров, и закономерная реакция самого государства на террористические события, как внутри страны («Норд – Ост», взрывы домов и электричек в Москве и других городах), так и в мировом масштабе (теракты 11 сентября 2001 года). Данный закон содержит уголовно-правовые, организационные и иные изменения в различных нормативных правовых актах в целях повышения эффективности борьбы с преступностью и их приведения в соответствие с новыми международными обязательствами [8, с. 127].

В то же время анализ содержания статьи 104.1 УК РФ, где перечислены составы преступлений, за совершение которых судом может быть применена конфискация имущества, свидетельствует, что законодатель таким образом имплементировал в уголовный закон и иные международные обязательства России. К таковым следует отнести Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года¹⁰, а также Конвенцию ООН против коррупции 2003 года¹¹.

⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61802 (дата обращения: 27.04.2026).

¹⁰ Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 нояб. 2000 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 27.04.2026).

¹¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 окт. 2003 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 27.04.2026).

Первый указанный международный документ получил свое отражение в положениях статьи 104.1 УК РФ, а также посредством закрепления самих составов преступлений, ранее не существовавших в уголовном законе: торговля людьми (статья 127.1), использование рабского труда (статья 127.2). Однако рассматриваемый пример имплементации обладает своими особенностями, которые как способ юридической техники достаточно часто используется законодателем. Подписание Россией рассматриваемой конвенции произошло в 2000 году в рамках международной конференции в Палермо совместно с остальными странами. А ратификация нашей страной была осуществлена лишь в 2004-м. Изменения же УК РФ в этой сфере были внесены в 2003 году посредством принятия Федерального закона от 8 декабря 2003 года ФЗ-162 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации».¹² В своем названии и содержании он не имеет указания на основания принятия в связи с подписанием конвенции. Принят этот закон был раньше осуществления процедуры ратификации.

Следует отметить, что такой подход вводит в заблуждение и научный мир, результатом чего стало указание в публикациях фактов нарушения или соблюдения тех или иных международных обязательств страны [9, с. 482]. К.Д. Николаев отмечает, что после исключения конфискации имущества из видов наказаний (и в целом из УК РФ) в 2003 году национальный закон перестал соответствовать международным уголовно-правовым стандартам, в частности, Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 года [10, с. 88]. Следует не согласиться с данной позицией, поскольку наша страна подписала указанный договор в 1999 году, а ратифицировала лишь в 2006-м. Соответственно, Конвенция в 2003 году еще не имела юридической силы на территории РФ. Поэтому рассматривать исключение норм о конфискации имущества из УК РФ как нарушение международных обязательств страны некорректно. Однако сам факт произошедших правовых изменений, действительно, оказался весьма нелогичным и опрометчивым решением, в результате которого развернулась бурная дискуссия в научном мире.

Таким образом, юридически внесение этих изменений в уголовный закон мы не можем

основывать на международных обязательствах и рассматривать в качестве именно процедуры имплементации норм из международных договоров РФ. Однако по своему содержанию они таковыми являются. Вряд ли данный нормотворческий подход следует рассматривать как намеренный шаг законодателя. Скорее всего, его использование связано с различными организационными и процедурными вопросами, учитываемая объем нормотворческой работы и специфику ее осуществления разными рабочими группами Государственной Думы РФ и федеральных исполнительных органов страны.

Перечислены в статье 104.1 УК РФ и коррупционные составы, но они были внесены позднее, в 2008 году, именно после ратификации Конвенции ООН против коррупции 2003 году. В данном случае был применен традиционный механизм имплементации норм из конкретного международного договора, участником которого является наша страна. Таким образом, внесение изменений и дополнений в УК РФ в связи с подписанием международных договоров в сфере борьбы с преступностью реализуется на практике по-разному. Не всегда законодатель идет последовательным путем от подписания к ратификации, от ратификации к разработке и внесению изменений и дополнений положений уголовного закона.

Заключение

Представленный в рамках статьи анализ положений отдельных статей Общей части УК РФ, основанных на международных договорах РФ, свидетельствует о многогранности их содержания относительно осуществления имплементации. Российский законодатель использует различные способы юридической техники для их включения в уголовный закон. Данные нормы не лишены проблематики своего применения, что требует периодической аналитической работы в целях совершенствования. Отметим, что немаловажным аспектом в такой работе является качество осуществления рецепции с учетом как специфики самих международных положений, так и национальной правовой системы, характерных для последней различных методик юридической техники.

Законодательство развитого государства насыщено включенными или прямо применяемыми нормами международного права. Данное обстоятельство не влияет негативно на его содержание и эффективность правоприменения. Наоборот, свидетельствует о желании государ-

¹² Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

ства включать в свои правовые инструменты внешние элементы для достижения необходимых целей. Особое значение данное обстоятельство имеет в сфере борьбы с преступностью, которая давно приобрела трансграничный

и транснациональный характер, что требует от государств оперативного включения нужных совместных инструментов. В качестве такового выступают нормы национального уголовного закона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ведерникова О.Н. Международно-правовые основы уголовного права и практики их применения / О.Н. Ведерникова. – EDN TGRONF // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 25(711). – С. 20–31.
2. Феоктистов М.В. Международно-правовые основы уголовного законодательства Российской Федерации / М.В. Феоктистов. – DOI 10.33693/2782-7372-2024-3-2-67-77. – EDN FWIAYR // Лоббирование в законодательстве. – 2024. – Т. 3, № 2. – С. 67–77.
3. Кибальник А.Г. Преступления против мира и безопасности человечества / А.Г. Кибальник, И.Г. Соломоненко. – Санкт-Петербург : Юрид. центр, 2004. – 385 с. – EDN TDLTLB.
4. Кострова М.Б. Правила действия российского уголовного закона в пространстве: терминологический аспект / М.Б. Кострова, А.Т. Ильина. – EDN NWEXRF // Правовое государство: теория и практика. – 2010. – № 1(19). – С. 76–82.
5. Лисаускайте В.В. Особенности реализации ч. 4 ст. 11 УК РФ с учетом положений международных договоров Российской Федерации / В.В. Лисаускайте. – EDN WVIERW // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2025. – № 2(28). – С. 52–65.
6. Макарова В.В. Конфискация имущества: отдельные вопросы теории и практики / В.В. Макарова. – DOI 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).3.393-400. – EDN HXSHXZ // Уголовно-исполнительное право. – 2022. – Т. 17 (1–4), № 3. – С. 393–400.
7. Бушуева С.А. Правовая природа конфискации имущества / С.А. Бушуева. – EDN JWSMET // Бизнес в законе. – 2008. – № 3. – С. 161–162.
8. Кокоева Л.Т. Совершенствование уголовной ответственности за преступления террористической направленности / Л.Т. Кокоева, А.Э. Колиева, Я.В. Гармышев. – DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(1).125-131. – EDN QNOOMR // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 1. – С. 125–131.
9. Актуальные проблемы совершенствования уголовно-правовых мер противодействия похищению человека, незаконному лишению свободы, торговле людьми и использованию рабского труда / В.В. Тараненко, С.С. Харитонов, М.Г. Решняк, С.В. Борисов. – DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(3).481-494. – EDN QJJUEV // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 3. – С. 481–494.
10. Николаев К.Д. Конфискация имущества в Уголовном кодексе Российской Федерации: наказание и иная мера уголовно-правового характера // Горизонты образования : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Омск, 22–23 апр. 2021 г. / отв. ред. Н.В. Чекалева. – Омск, 2021. – С. 87–90.

REFERENCES

1. Vedernikova O.N. International Legal Fundamentals of the Criminal Law and the Practice of Its Application. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* = *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2014, no. 25, pp. 20–31. (In Russian). EDN: TGRONF.
2. Feoktistov M.V. International Legal Foundations of the Criminal Legislation of the Russian Federation. *Lobbyirovanie v zakonodatel'stve* = *Lobbying in the Legislative Process*, 2024, vol. 3, no. 2, pp. 67–77. (In Russian). EDN: FWIAYR. DOI: 10.33693/2782-7372-2024-3-2-67-77.
3. Kibal'nik A.G., Solomonenko I.G. *Crimes Against Peace and Security of Mankind*. Saint Petersburg, Law Center Publ., 2004. 385 p. EDN: TDLTLB.
4. Kostrova M.B., Il'ina A.T. Rules of Russian Punitive Law Procedure in Space: Terminological Aspect». *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2010, no. 1, pp. 76–82. (In Russian). EDN: NWEXRF.
5. Lissauskaite V.V. Features of the Implementation of Part 4 of Article 11 of the Criminal Code of the Russian Federation Taking Into Account the Provisions of International Treaties of the Russian Federation. *Nauchnyi daidzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* = *Scientific digest of East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2025, no. 2, pp. 52–65. (In Russian). EDN: WVIERW.
6. Makarova V.V. Confiscation of Property: Separate Issues of Theory and Practice. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* = *Penal Law*, 2022, vol. 17, no. 3, pp. 393–400. (In Russian). EDN: HXSHXZ. DOI: 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).3.393-400.
7. Bushueva S.A. *The legal nature of property confiscation*. *Biznes v zakone* = *Business in Law*, 2008, no. 3, pp. 161–162. (In Russian). EDN: JWSMET.
8. Kokoeva L.T., Koliieva A.Eh., Garmyshev Ya.V. Improvement of Terrorism-Related Criminal Liability. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* = *Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 1, pp. 125–131. (In Russian). EDN: QNOOMR. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1).125-131.

9. Taranenko V.V., Kharitonov S.S., Reshnyak M.G., Borisov S.V. Topical Issues of Improving Criminal Law Measures Against Kidnapping, Illegal Imprisonment, Human Trafficking and the Use of Slave Labor. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 481–494. (In Russian). EDN: QJJUEV. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(3).481-494.

10. Nikolaev K.D. Confiscation of property in the Criminal Code of the Russian Federation: punishment and other measure of a criminal-legal nature. In Chekalev N.V. (ed.). *Horizons of education. Materials of the II International Scientific Conference, Omsk, April 22–23, 2021*. Omsk, 2021, pp. 87–90. (In Russian). EDN: ZVJQQZ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валентина В. Лисаускайте – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права юридического института. Сибирский федеральный университет. 660075, Россия, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6. SPIN-код: 7284-2459.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina V. Lisauskaite – Ph.D. (in Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Law at the Law Institute. Siberian Federal University. 6 Maerchaka Str., Krasnoyarsk, 660075, Russia. SPIN-code: 7284-2459.

Поступила в редакцию / Received 10.03.2026

Доработана после рецензирования / Revised 04.05.2026

Принята к публикации / Accepted 20.05.2026